

Пазухин Алексей Михайлович

Вторая весна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Вторая весна / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 183 с.

ISBN 978-5-521-27082-8

ISBN 978-5-521-27082-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Еще до Пасхи, не задолго до традиціоннаго вербнаго гулянья, Таисія Григорьевна сидѣла въ богато убранномъ будуарѣ своего дома, на берегу семицвѣтной Лузы, и разглядывала привезенный модисткою роскошный туалетъ для выѣзда на вербное гулянье. По московскимъ улицамъ лежалъ еще снѣгъ и гулянье обѣщало быть скучнымъ, тѣмъ болѣе, что надъ городомъ нависли тяжелыя свинцовыя тучи, но Таисія Григорьевна непременно хотѣла показаться на этомъ гуляньѣ въ весеннемъ костюмѣ и онъ въ полномъ ансамблѣ своемъ былъ разложенъ по стульямъ и кресламъ. Бархатъ, шелкъ, кружева, дорогіе цвѣты и перья на шляпѣ,—все это представляло въ общемъ чудную картину, отъ которой забилось бы сердечко не одной женщины. Но Таисія Григорьевна холодно и даже презрительно осматривала всѣ эти вещи. Онѣ ей не нравились, а ей хотѣлось показаться на гуляньѣ одѣтою лучше всѣхъ, между тѣмъ какъ она получила свѣдѣнія, что молодая купчиха Тулякова, недавно вышедшая замужъ, сдѣлала себѣ туалетъ для гулянья въ Парижѣ и выѣдетъ въ новомъ вѣнскомъ ландо, запряженномъ парюю чудныхъ лошадей, въ какой-то модной, только что вышедшей сбруѣ. Модистка, зарабатывающая отъ Таисіи Григорьевны громадныя деньги, робко и виновато стояла передъ нею, увѣряя, что костюмъ этотъ не уступить никакому заграничному.

— Что и говорить!—съ презрительною улыбкою возражала Таисія Григорьевна.—Далеко вамъ до заграничнаго, только деньги умѣете брать, да добро изводить. Страхъ подумать, сколько стоитъ вся эта ерунда, а выѣдешь въ ней, такъ только людей насмѣшишь!

Затѣмъ Таисія Григорьевна начала критиковать туалетъ и въ общемъ, и въ деталяхъ, и дошла до того, что смяла чудную кофточку, а на шляпкѣ сломала роскошное перо. Дѣло грозило принять совсѣмъ скандальный оборотъ, такъ какъ Таисія Григорьевна могла и съ модисткою распорядиться такъ же, какъ съ невинною кофточкой, но въ это время вошла въ будуаръ горничная и доложила, что пріѣхала Василиса Парменовна Листовкина. Таисія Григорьевна величественнымъ жестомъ отпустила модистку, приказавъ захватить попорченныя вспышкою гнѣва принадлежности туалета,

а затѣмъ въ будуаръ вошла извѣстная въ то время по всей Москвѣ сваха Листовкина. Это была круглая, какъ шаръ, съ добродушнымъ, но хитрымъ лицомъ старуха лѣтъ пятидесяти, румяная, красная, вѣчно веселая и говорливая.

— Красавицѣ нашей, королевѣ великое почтеніе,—затараторила сваха, лобызая Таисію Григорьевну въ уста и въ щеки.—Все-то цвѣтеть, все-то хорошѣть, прямо королева, хоть на выставку выставляй!

— Будетъ тебѣ вратъ, — перебила Таисія Григорьевна. — Злая я сейчасъ, какъ не знаю кто, въ зеркало на себя взглянула, такъ страшно сдѣлалось.

— Кто разстроилъ-то тебя, голубушка, кто обидѣлъ-то тебя, мою королеву?

— Да вотъ эта дура модистка... Ну, да не объ этомъ рѣчь. Сказывай съ чѣмъ пришла?

Сваха не торопясь усѣлась на кресло, утерла лицо платкомъ и изобразила на своемъ кругломъ, какъ арбузъ, и столь же полномъ лицѣ значительную мину.

— Неудача?—строго спросила Таисія Григорьевна, читая на лицѣ свахи что-то неутѣшительное.

— Правду должна сказать, раскрасавица моя, что большой удачи пока нѣтъ, а только ты не робѣй, геройства своего не теряй, потому Василиса Листовкина ежели за дѣло взялась, такъ его сдѣлаетъ...

Таисія Григорьевна, закинувъ руки назадъ, большими шагами, твердо и тяжело ступая по бархатному ковру будуара, прошла нѣсколько разъ.

— Вотъ что, Парменовна,—заговорила она, останавливаясь передъ свахой,—если ты мнѣ это дѣло устроишь, такъ я награжу тебя такъ, какъ не только не награждалъ тебя еще никто, а какъ и не снилось тебѣ. Поняла?

— Поняла, матушка. Не знаю, какъ благодарить тебя...

— Ты сколько лѣтъ занимаешься этимъ ремесломъ?

— Да вотъ скоро двадцать лѣтъ.

— И сколько свадебъ сладила за это время?

— Охъ, матушка, много, счетъ потеряла!

— Ну, такъ вотъ что я скажу тебѣ, за всѣ эти свадьбы ты не получила столько, сколько я тебѣ заплачу, если ты

мою свадьбу съ Андреемъ Семеновичемъ Клушинымъ устроишь...

На лицѣ вдовы вспыхнулъ яркій румянецъ, глаза засверкали и она схватила сваху за руки.

— Не повѣришь ты, Парменовна, какъ я полюбила Андрюшу, не повѣришь!... Такъ я думаю, что околдовалъ меня кто-нибудь... Влюблялась я и прежде, почитай съ дѣтства влюбчива была, а ничего подобного не бывало... И во снѣ, и на яву онъ у меня передъ глазами, ничто мнѣ кромѣ него не мило, жить я безъ него не могу... Я вотъ велѣла тебѣ сказывать всѣмъ, что мнѣ двадцать пять лѣтъ, а мнѣ вѣдь тридцать три, не дѣвочка я. Увлечься по пустякамъ я не могла, эта любовь сильная и крѣпкая... Охъ, Парменовна, знать, вторая весна для меня настала, знать, снова помолодѣла я и хочется мнѣ любить всѣми силами души моей, хочется мнѣ, чтобы и меня полюбилъ Андрюша. А не вѣрю я въ это, боюсь. Потому не вѣрю, что такой красавецъ, такой умница, какъ Андрей Семеновичъ, и глядѣть на меня не захочетъ, вѣдь я старше его и хотъ говоришь ты мнѣ, что я красавица, да и отъ другихъ я это слыхала, а думается мнѣ, что далеко мнѣ до красавицы... Нѣтъ, Парменовна, не такіа красавицы бывають!

— Полно, матушка Таисія Григорьевна, да какой же еще красоты надо,—картину съ тебя писать: ростъ ли, складъ ли твой, косы ли твои черныя, бровки ли нарисованныя—на удивленіе всѣмъ. Намедни пришла я въ соборъ, а ты стоишь тамъ у обѣдни въ чернобурой ротондѣ своей, въ шляпѣ съ алыми розами, всѣхъ то великатнѣе, всѣхъ то замѣтнѣе. Такъ вѣдь на тебя рѣшительно любуются всѣ ..

Таисія Григорьевна медленно подошла къ трюмо и долго долго смотрѣла на отразившуюся въ немъ фигуру свою. Потомъ вздохнула слегка, отошла и сѣла на кушетку. Наступило молчаніе.

На второй недѣлѣ Великаго поста Таисія Григорьевна компаньонкой своей была въ итальянской оперѣ. Пѣлъ знаменитый заѣзжій теноръ, и театръ былъ полонъ. Вся купеческая знать занимала ложи бель-этажа и бенуара, сверкала брилліантами, въ партерѣ сидѣли мужчины самаго избраннаго

московскаго общества; однимъ словомъ на спектаклѣ была, что называется, „вся Москва.“ Таисія Григорьевна сидѣла въ бенуарѣ, одѣтая въ бархатное малиновое платье, отдѣланное бѣлыми страусовыми перьями и вся залитая брилліантами. Рядомъ съ невзрачною компаніонкой своей она была эффектна и партеръ обратилъ на нее вниманіе, быть можетъ не столько на нее, сколько на ея брилліанты, стоящіе десятки тысячъ. Она чувствовала на себѣ взгляды почти всего театра и улыбалась самодовольно, обмахиваясь дорогимъ вѣеромъ. Передъ самымъ началомъ спектакля, въ ложу второго яруса, какъ разъ напротивъ ложи Таисіи Григорьевны, вошло семейство, состоящее изъ пожилой скромно одѣтой дамы, виднаго старика съ окладистою, совершенно сѣдою бородой во всю грудь, одѣтаго въ просторный черный сюртукъ, молодой дѣвушки, лѣтъ семнадцати, очень миловидной блондинки, и молодого человѣка, лѣтъ двадцати шести-семи, высокаго, стройнаго, съ вьющимися слегка волосами пепельнаго цвѣта и съ приподнятыми кверху небольшими усами, темнѣе волосъ. Что то необыкновенно благородное, влекущее было въ фizioноміи, во всей фигурѣ этого молодого человѣка; его темнокаріе, слегка близорукіе глаза,—онъ носилъ пенснэ, — смотрѣли задумчиво и ласково, вся осанка была полна граціи и благородства, костюмъ обличалъ вкусъ, манеры были скромны, но и изысканны. Встрѣтивъ такого молодого человѣка, окруженнаго другими лицами и при другой обстановкѣ, можно было принять его за какого-нибудь владѣтельнаго герцога, а между тѣмъ, это былъ только московскій купеческій сынъ Андрей Семеновичъ Клушинъ, сынъ сѣдобородаго старика и почтенной старушки, супруговъ Семена Васильевича и Праксовьи Андреевны Клушиныхъ. Молодая дѣвушка была его сестра Лиза.

На молодого человѣка, ставшаго за стуломъ сестры, засмотрѣлись очень многія дамы, да и нельзя было не засмотрѣться на этого красавца. Что касается до Таисіи Григорьевны, такъ она впиалась глазами въ молодого Клушина и не зводила съ него бинокля въ теченіи всего перваго акта оперы, не обращая вниманія на эту оперу и на знаменитаго премьера итальянской оперной труппы. Во время антракта,

въ ложу Клушиныхъ вошелъ фабрикантъ Заводниковъ, дальнѣй родственникъ Таисіи Григорьевны, и, поговоривъ немного, въ концѣ антракта принесъ коробку конфетъ своей родственницѣ, у которой онъ иногда учитывалъ векселя. Не поблагодаривъ за конфеты, на которыя Таисія Григорьевна не обратила никакого вниманія, она быстро, крѣпко стиснувъ руку родственника, спросила.

— Кто это такіе?

— Про кого вы, сестрица?

— Про тѣхъ, у кого ты сейчасъ въ ложѣ былъ, вонъ про тѣхъ.

— Это Клушины, москательщики.

— Клушины?

— Да, сестрица. Отецъ, мать, сынъ и дочь.

— Какой красавецъ молодой Клушинъ! — восторженно замѣтила Таисія Григорьевна.

— Да, недурень, барыни одобряютъ, отбою отъ нихъ ему нѣтъ, а только онъ не охотникъ, должно быть, до прекраснаго пола, все науками какими то занимается, да изобрѣтеніями; его домашніе то астрономомъ, то химикомъ зовутъ, употребляя эти слова, какъ ругательныя.

— Онъ холостой?

— Холостой, сестрица. Вотъ бы вамъ такого жениха!

Таисія Григорьевна только вздохнула, да грудь колыхнулась у ней перекатною волной.

— Ты съ ними знакомъ?

— Покупатель ихній, краски беру.

— Познакомь меня.

— Съ молодымъ Клушинымъ?

— Да.

— Извольте, сестрица, но только вамъ пожалуй съ нимъ скучно будетъ, вы вѣдь дама свѣтская, вы любите, чтобы вамъ кавалеры комплименты говорили, анекдоты рассказывали и въ любовь съ вами играли, а Андрюша Клушинъ, словно красная дѣвица. Придетъ, да и будетъ молчать у васъ.

— Познакомь, я тебѣ говорю. Можно?

— Да съ величайшимъ удовольствіемъ, въ слѣдующемъ антрактѣ его приведу.

— Они богатые люди?—продолжала допрашивать Таисія Григорьевна.

— Говорятъ, что у старика очень хорошее состояніе, но онъ жметъ. Старикъ твердый, какъ камень, скупой, деньги пуще всего на свѣтъ любить и живетъ хоть прилично, но очень скромно. Дѣльцо у него чистенькое, все за наличный расчетъ покупаетъ и поэтому работаетъ не безъ барышей.

— Отецъ или сынъ ведетъ дѣло?

— Оба, а только Андрей не особенно любить торговлю и все стремится какой-то заводъ открыть, да земледѣліемъ мечтаетъ заняться. Вообще, сестрица, онъ фармазонъ, такъ надо говорить. Ни въ любовь не любитъ играть, ни покутить, такъ, пустой, по моему, человѣкъ.

— Не вродѣ тебя? На цыганокъ, да на пѣвицъ денегъ не тратитъ, по ночамъ въ ресторанахъ не сидитъ? Это и хорошо; особенно по теперешнимъ временамъ такіе молодые люди на рѣдкость.

— Да можетъ и на рѣдкость, сестрица, а только скучно съ ними... Да вотъ приведу, такъ сами увидите.

Въ слѣдующій антрактъ Таисія Григорьевна видѣла, какъ родственникъ вошелъ въ ложу Клушиныхъ, какъ онъ говорилъ что-то молодому Клушину, какъ тотъ смотрѣлъ на Таисію Григорьевну, пожалъ слегка плечами, но вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ въ ложѣ Таисіи Григорьевны.

— Позвольте, сестрица, представить вамъ моего хорошаго знакомаго, Андрея Семеновича Клушина, — съ усмѣшкою представилъ молодого человѣка Заводниковъ и сейчасъ же вышелъ.

Клушинъ вѣжливо поздоровался и присѣлъ по приглашенію Таисіи Григорьевны, а она, издавая всякіе виды, не только смѣлая, но даже дерзкая съ мужчинами, сконфузилась, покраснѣла, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, и рѣшительно не знала, съ чего начать разговоръ.

— Не угодно-ли вамъ конфетъ?—вышла Таисія Григорьевна изъ затрудненія и протянула Клушину бонбоньерку.

— Очень вамъ благодаренъ, я не ѣмъ конфетъ.

— Бойтесь, чтобы зубы не испортить?

— Да, отчасти и поэтому.

— Вамъ ваши зубы надо беречь, они у васъ на удивленіе.

Клушинъ слегка наклонилъ голову. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Вы любите оперу?—продолжала поддерживать разговоръ Таисія Григорьевна.

— Очень люблю.

— А сами вы не поете?

— Пою иногда, но такъ, русскія пѣсни...

— Ахъ, я до безумія люблю русскія пѣсни!

— Дѣлаетъ честь вашему вкусу; русскія пѣсни — чудная вещь.

— Превосходная вещь,—подтвердила Таисія Григорьевна.— Вотъ бы сдѣлали мнѣ величайшее одолженіе, еслибъ пріѣхали когда нибудь ко мнѣ и спѣли бы что нибудь.

— Я, Таисія Григорьевна, совсѣмъ не пѣвецъ и, если пою, такъ только для себя, такъ что воспользовавшись вашимъ предложеніемъ, сочту за особенное удовольствіе быть у васъ но только не для пѣнія.

— Мнѣ пріятно будетъ васъ видѣть и такъ. А затѣмъ. быть можетъ, мнѣ удастся какъ нибудь уговорить васъ и спѣть. Я надѣюсь, что просьба дамы заставитъ васъ быть милостивѣе...

Таисія Григорьевна кокетничала и, что называется, ломалась, а это къ ней особенно не шло, какъ ко всѣмъ женщинамъ мужественнаго вида, высокаго роста, съ грубымъ, твердымъ голосомъ.

Клушинъ повидимому тяготился обществомъ этой незнакомой ему дамы и, воспользовавшись окончаніемъ антракта, сейчасъ же удалился, и уже въ слѣдующій антрактъ въ ложу Таисіи Григорьевны не вошелъ. Не сдѣлавъ онъ ей и визита, хотя она ожидала этого визита и даже просила своего родственника напомнить Клушину данное обѣщаніе пріѣхать. Родственникъ Таисіи Григорьевны вскорѣ послѣ этого уѣхалъ за границу лѣчиться и вотъ въ концѣ Великаго поста Таисія Григорьевна прибѣгнула къ посредству знаменитой московской свахи Листовкиной, которая должна была взять на себя

обязанность сосватать Андрею Семеновичу Клушину ее, Таисію Григорьевну, съ ея миллионами, домами и имѣніями.

Таисія Григорьевна слышала, что на „Красной горкѣ“ старикъ Клушинъ непремѣнно хочетъ женить своего сына, который и безъ того уже засидѣлся холостякомъ, и поэтому Таисія Григорьевна торопилась, а сваха Василиса Парменовна Листовкина получила инструкціи дѣйствовать быстро и энергично, поощренная крупными посулами.

II.

Отъ станціи „Камешки“, Н—ской желѣзной дороги, по совершенно разбитой дорогѣ тащилась извозчичья пара, запряженная въ тряскую безрессорную телѣжку.

Андрей Семеновичъ Клушинъ сидѣлъ на высокомъ неудобномъ сидѣньѣ телѣжки и каждую минуту хватался за грядки телѣги, чтобы не вывалиться,—такъ была неудобна и избита дорога. По самой дорогѣ снѣга уже не было и вмѣсто его стояла непролазная грязь, но по бокамъ дороги, въ поляхъ, лежалъ еще рыхлый потемнѣвшій снѣгъ, на которомъ, какъ оазисы въ пустынь, подымались пригорки съ пучками желтой прошлогодней травы. Дальше высокій берегъ небольшого ручья былъ тоже очищенъ отъ снѣга; надъ нимъ вились и каркали грачи и вороны. Извозчикъ въ короткомъ синемъ казакнѣ и картузѣ кое-какъ лѣпился на облучкѣ и помахивалъ кнутомъ надъ спинами тощихъ, замороженныхъ за зиму лошадей.

— Очень ужъ у тебя сморены лошади,—замѣтилъ Клушинъ.

— Да какъ не заморить то ихъ, баринъ? Лѣто безъ работы жили, корма дорогіе, сами-то едва съ голоду не померли. Вотъ теперь авось отдохнемъ маленько.

— Что-жъ, работа, что ли, будетъ?

— Да, полагаемъ поработать.

— Гдѣ же именно и чѣмъ?

— Да вотъ извозомъ, ваше здоровье. Около нашей мѣстности дачки начали строить, господа будутъ жить, ну, и надѣмся поработать. Мѣстность у насъ хорошая, давно бы пора

дачнику жить, да далеконько, сорокъ верстъ по желѣзной дорогѣ, да вотъ верстъ пять въ сторону, а то бы хорошо. И рѣка, и лѣсъ хорошій, и никакого безпокойства.

Андрей Семеновичъ Клушинъ ѣхалъ въ гости къ помѣщику Игнатію Петровичу Вельяшеву, небольшое имѣніе котораго, Вельяшевка, было расположено въ шести верстахъ отъ станціи „Камешки“. Игнатій Петровичъ Вельяшевъ занимался хозяйствомъ недавно, года два тому назадъ онъ устроилъ небольшой химическій заводъ для выдѣлки поташа и случайно продалъ небольшую партію этого поташа Клушинымъ. Поташъ былъ очень низкаго сорта и старикъ Клушинъ не хотѣлъ его брать, но Андрей Семеновичъ понялъ, что помѣщику очень нужно продать этотъ первый продуктъ, полученный съ завода, понялъ, что помѣщику безъ этой продажи хоть волкомъ быть, и купилъ безъ вѣдома отца, такъ какъ небольшая партія низкопробнаго товара могла сойти на ряду съ другимъ.

Отдавая Вельяшеву деньги, Андрей Семеновичъ разговорился съ нимъ, и пожилой симпатичный помѣщикъ очень заинтересовалъ его. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти слишкомъ, высокій, съ длинною и бѣлою, какъ лунь, бородой, съ длинными закинутыми назадъ волосами, напоминающій фигурой и осанкой короля Лира. Что-то необыкновенно благородное было въ его наружности, въ его разговорѣ, въ манерѣ держаться. Одѣтъ онъ былъ скромно, но удивительно прилично и какъ-то особенно элегантно, несмотря на эту большую скромность. Старикъ былъ разговорчивъ и сообщилъ молодому коммерсанту свои планы, свои затѣи, говоря съ увлеченіемъ юноши.

Онъ имѣетъ небольшое помѣстье, которое даетъ ему возможность существовать съ дочерью, денегъ у него почти нѣтъ, если не считать маленькаго сбереженія и пенсіи въ двѣ тысячи рублей. Но онъ надѣется при большой энергіи поставить заводъ хорошо, и не для наживы, а для того, чтобы поднять матеріальный бытъ сосѣднихъ мужиковъ, которые не могутъ воздѣлывать плохую землю, бѣдны, занимаются извозомъ и едва существуютъ. А народъ все трудолюбивый, трезвый и хорошій. Если заводъ разовьется, такъ всѣ сосѣдніе

крестьяне найдутъ хорошій заработокъ, и это подыметъ ихъ матеріальное положеніе.

— Я, собственно говоря,—развивалъ дальше свою мысль старикъ Вельяшевъ,—противъ того, чтобы крестьяне наши, народъ по преимуществу земледѣльческій, занимались заводами и фабриками, но въ нашей мѣстности безъ этого жить нельзя. А кромѣ того, я увѣренъ въ томъ, что народъ возьмется за земледѣліе, если поднять его матеріальное положеніе. Заводъ дастъ хорошее удобреніе, позволить крестьянамъ завестись скотиною и половина изъ нихъ будетъ работать на заводѣ, а другая займется земледѣліемъ.

Дальше-больше и Вельяшевъ очень заинтересовалъ Андрея Семеновича, заинтересовалъ настолько, что молодой Клушинъ изъявилъ желаніе быть у него и посмотреть на его хозяйство и заводъ. Старикъ очень обрадовался этому и просилъ Андрея Семеновича не откладывать поѣздки въ долгій ящикъ. Это было вначалѣ зимы, а на святкахъ Андрей Семеновичъ поѣхалъ къ Вельяшеву, пробылъ у него весь день, совершенно не замѣтивъ быстро летѣвшаго времени, потомъ пріѣхалъ черезъ недѣлю опять и сдѣлался частымъ гостемъ Игнатія Петровича Вельяшева и его дочери Марины, дѣвушки лѣтъ двадцати.

Незадолго до Вербнаго воскресенія, Клушинъ получилъ отъ Марины Игнатьевны Вельяшевой письмо такого содержанія:

„Андрей Семеновичъ! Наши рѣки и рѣчки скоро выступятъ изъ береговъ, разольются и Вельяшевка будетъ отрѣзана отъ міра недѣли на двѣ, а то такъ и больше. Если хотите пови-
дѣть насъ до Пасхи, то пріѣзжайте теперь, а иначе мы долго не увидимся съ вами и папа будетъ скучать; вы знаете, какъ онъ влюбленъ въ васъ. Будетъ скучно и мнѣ. Жму вашу руку и остаюсь уважающая васъ Марина Вельяшева“.

Получивъ это письмо, Андрей Семеновичъ сейчасъ же собрался и поѣхалъ.

Путешествуя въ шаткой телѣжкѣ, какъ въ утломъ челнѣ по бурному морю, онъ видѣлъ, что дѣйствительно, если еще пройдетъ нѣсколько дней, такъ тутъ не пройдешь, не проѣдешь. Имѣніе Вельяшева было расположено на довольно вы-